

<А. Г.>

У друзей Распутина¹

Наш сотрудник обратился вчера к редактору-издателю «Дым Отечества» А. Л. Гарязину с просьбой высказаться относительно покушения на Григория Распутина. А. Л. Гарязин хорошо знает Распутина и был одним из первых, кто сообщил печальную новость экономке «старца», Лапшинской.

Вот что говорит А. Л. Гарязин:

— Я должен, прежде всего, сообщить, что сообщения многих газет, принужденных волею судеб писать о происходящем в Покровском, сидя в Петербурге, далеки от истины. Единственный материал, который не поддается сомнению, это — полученные нами телеграммы, а их пока очень немного.

По самым последним сведениям, положение представляется таким образом: Распутина в Покровском уже нет. Его сегодня перевезли в Тюмень, где он и останется до самого своего выздоровления.

Опасность, если верить полученным мною сведениям, миновала. Заражение крови исключается. Перед самым отъездом в Тюмень температура была совершенно нормальной. Сегодня мною получены телеграммы, где сообщается, что больного благополучно перевезли в Тюмень. Он находится там в великолепных условиях, уход замечательный. Около его постели собраны лучшие местные врачи. Утром температура не повышалась. Близкие друзья Распутина, не доверяя авторитету местных тюменских врачей, обратились с просьбой к од-

¹ Печатается по: Петербургский курьер. 1914. 2 июля. № 159. Среда. С. 2.

ному видному хирургу с предложением выехать к больному. Сегодня он должен был уже ехать в Тюмень, но еще не дал пока окончательного ответа*.

Что я думаю о покушении? — Да что тут можно думать. Сумасшедшая баба и больше ничего. По-моему и судить-то ее не будут, никакого и процесса не будет. Просто упрячут ее в сумасшедший дом, да и только. Весь этот допрос одна проволочка. С больной женщины что же и спрашивать.

Ни политической, ни религиозной подкладки я в этом покушении не вижу. Это обыкновенная вспышка женщины-истерички, и вдобавок еще тяжело больной.

Князь В. П. Мещерский, издатель «Гражданина», хорошо знающий Распутина, заявил нашему сотруднику:

— На меня известие о покушении на Распутина произвело большое впечатление. Вчера же, как я только узнал об этой катастрофе, я немедленно отправил срочную телеграмму дочери Распутина, Матрене Григорьевне, с просьбой сообщить сведения о здоровье ее отца. Несмотря на то что телеграмма была мною отправлена еще вчера днем, ответ я получил только сегодня утром.

Ответ этот весьма успокоительный. Дочь Распутина сообщает мне, что рана, по заключению врачей, оказалась относительно легкой, и теперь уже всякая опасность миновала. Больному значительно лучше, он уже разговаривает и очень интересуется личностью покушавшейся на него женщины.

Самое покушение объяснить очень трудно, оно, по-моему, не поддается объяснению, и к тому же, сидя здесь и не зная никаких подробностей, трудно что-либо сказать.

По-моему, покушавшаяся — истеричка, религиозно-помешанная. Имела ли она что-нибудь общее с Григорием Распутиным, я не знаю, по крайней мере, я это имя Хионии Гусевой слышу первый раз в жизни и не знаю, знал ли эту женщину тот, на кого она напала.

* Ниже на этой же странице набрано: «Отъезд в Покровское лейб-хирурга Федорова. [Заголовок]. Сегодня экстренно выехал в Покровское известный хирург проф. Федоров». — *Сост.*

И. Кронштадтский и Гр. Распутин
(Беседа с настоятелем Казанского собора
протоиереем Ф. Н. Орнатским)

— Григорий Распутин — вот имя, хорошо знакомое России последние годы, а последние два дня вряд ли кто-либо из петербуржцев не произнес его несколько раз, — сказал нашему сотруднику протоиерей Ф. Н. Орнатский.

— Только и слышишь Распутин да Распутин!

Лично я к деятельности Распутина, как истинный христианин, отношусь, отношусь, конечно, отрицательно и только.

Мне он известен только по рассказам и сведениям из газет.

Но меня, как близкого друга, сотрудника и родственника покойного отца Иоанна Кронштадтского, сильно возмущает попытка некоторых органов местной прессы во главе с «Речью» и «Современным словом» пристегнуть имя Распутина к плодотворной, с точки зрения христианина, деятельности покойного пастыря.

Утверждают, что Распутин, приехав в 1904 г. в Петербург с письмом от сибирского священника к о[тцу] Иоанну Кронштадтскому, сразу понравился последнему; утверждают, что покойный пастырь возил с собою «старца» всюду и знакомил его с влиятельными лицами, чем предрешил ему успех.

— Я лично присутствовал при первой и в то же время последней встрече Распутина с покойным о[тцом] Иоанном, и эта встреча мне весьма памятна.

— О[тец] Иоанн спросил старца — «как твоя фамилия» и, когда последний ответил — «Распутин», ответил: «Смотри, по фамилии твоей и будет тебе».

Если вы хотите уж непременно знать, кто принял живейшее участие в первых шагах Распутина в Петербурге, то извольте: это епископ Феофан, да и то не долго.

Вскоре же Распутин, достаточно использовав его, уже и в нем не нуждался.

Лично я, вообще, мало интересовался деятельностью и проповедями «новоявленного старца», но знаю, что в печальной истории епископа Гермогена Распутин сыграл тоже видную и решающую роль.

Чуриков о покушении на Распутина

Ваш сотрудник посетил братца Ивана Чурикова и имел с ним небольшую беседу о происшедшем в Покровском покушении.

Братец Чуриков вначале долго отказывался от беседы, ссылаясь на то, что он живет в стороне от политики и потому не может высказаться о событии как о явлении политическом, но все же высказал свое мнение о личности Распутина и о мотивах покушения.

На наш вопрос, какую роль сыграл Распутин в жизни русского простонародья, Чуриков ответил:

— Хорошо, что он из народа вышел; он знал народ, любил его и радел о мужике, простом и забитом; он всегда говорил: грамота нужна, свету мало, водка одолела; он — человек сильный и много мог бы принести пользы и трезвенному делу; только люди из народа могут принести пользу народу, и только верующие бесхитростно спасут Царствие Божие на земле от поругания фарисеев!

— А правда ли, братец, что Распутин способствовал вашему отлучению?

— А Бог с ним! Я на него не в обиде, и по-христиански, да и просто по-человечески мне его жалко.

— А скажите, может ли быть, что убийца хотела испробовать его святость и неуязвимость?

— Все может быть, сынок, — и пока народ верой истинной не просветится, все может случиться! Ну, прощай, сынок, недосуг мне, — заторопился Чуриков, видимо, избегая дальнейшей беседы.

«По Божьему пути». *(О мемуарах Г. Е. Распутина)*

«По Божьему пути» — так озаглавлен дневник или записки Г. Е. Распутина, которые составлялись специально приглашенным им лицом, не безучастным к занятию журналистикой, из духовного звания, давнишнего знакомого и репетитора сыновей одной сановной дамы.

В этот дневник, который велся нерегулярно, а время от времени, заносились самые разнообразные данные: как о состоянии здоровья автора и членов его семьи, так и о встречах, впечатлениях, приемах, подношениях, путешествиях Г. Е. Распутина и его близких.

И, несмотря на полное отсутствие системы при составлении этих записок, в них все-таки сквозит одна руководящая идея. В них Распутин, человек, вынырнувший, как он говорил, «из народа», проводит мысль, что на нем — сыне этого народа, почиет какая-то особая благодать, в силу которой он, «один из малых сих», возвысился над многими и стал известен не по одной только России, а и по всему миру, как он не без гордости говорил.

Об этих мемуарах сам Распутин рассказывал пишущему эти строки в день своего последнего отъезда из Петербурга.

— Давно мне хотелось, — так объяснял Распутин, ощупывая меня своими живыми быстрыми глазами, — свое слово миру сказать... Что же я могу в поучение дать ему? Вот существуют разные ученые, люди ума. Они, ученые-то эти, пишут не от себя, не от человека, а вообще о мире... понимаешь ли меня иль нет? Говори по правде...

— Продолжайте, Григорий Ефимович!

— Так вот я и говорю: я хочу людям представить не что-либо такое, которое не от меня исходит, а именно то, что во мне есть. Своего, значит, Бога я хочу им показать... свой путь жизни людям указать...

Вот почему я называю писание свое названием — «По Божьему пути». А в чем путь Божий, знаешь ли ты это?

И не дожидаясь моего ответа, он, привстав и махая в воздухе указательным пальцем, строго и проникновенно проговорил:

— Путь Божий — есть путь добрых дел... Твори добро, добро твори, говорю я тебе, и ты будешь на пути праведников... Вот это я людям и сказать хочу.

Он шагал по комнате и волновался.

— Хочу я начать свою проповедь народу: мал для меня круг-то... Что мне все эти люди? Грех, соблазн один, а вот думаю о душе.

— Довольно дьявола тешить, самообольщаться, — я не решаюсь утверждать, что он именно произнес это слово, но смысл помню точно, — грешить, а пора и о душе подумать... Вот и надумал я самую настоящую, правдивую народную газету в ход пустить. Денег мне дадут, люди верующие нашлись, соберу я людей хороших, перекрещусь, да и — Господи, благослови — в колокол ударю!

— Да у нас, Григорий Ефимович, — заметил я, — «Колокол»-то свой имеется: звонит.

— Да что толку-то в этом? Не так надо.

— О спасении звонить надо: добрыми делами спасаться.

Мы опять помолчали.

Г. Е. Распутин о чем-то задумался, и его лицо приняло какое-то детски-страдальческое выражение.

— Вот тебе мое слово, — сказал он на прощанье, — и слово мое крепкое. Приеду я осенью в Питер и начну выпускать свою газету. Поборемся еще: у меня копь в мыслях что-либо есть, то я и в дело претворюю.

— А как же насчет ваших записок, опубликуете их, что ли? — задал я ему крайне интересовавший меня вопрос.

— Нет, как можно, нельзя, — возразил он. — Пусть дети мои, если найдут нужным, сделают это.

